

Ведь она прежде никогда его не видела, и даже если слышал что-то от Чжоу Бэйняня, то, скорее всего, лишь краем уха.

Если представится возможность, Сюй Синчжи, глядишь, и выведает у неё что-нибудь о Манхуане.

Он спросил:

— Почему вас заточили в Манхуане?

Чжоу Ван пристально посмотрела на Сюй Синчжи и слегка приподняла бровь:

— Дядя и остальные считали меня ребенком и не хотели вдаваться в подробности... К тому же, разве вы, старший брат Сюй, не знаете, как мы здесь оказались?

Сюй Синчжи: ...Ох.

А девчонка-то смышленная, ее так просто не проведешь.

С умными людьми нужно вести себя иначе. Сюй Синчжи раскрыл веер и помахал им:

— Я просто не ожидал, что они не пощадят даже детей.

Чжоу Ван дернула уголком рта, раскрыла ладонь и принялась разглядывать мозоли на ней:

— Когда мы попали в Манхуан, я еще не родилась. После того как маму и дядю сослали сюда, дядя погиб, защищая её. Если бы не встреча с дядей Лу, который закрепил душу дяди в своем талисмане и поделился с ним жизненной силой, его дух давно бы рассеялся.

Сюй Синчжи слегка нахмурился:

— Как умер Чжоу Бэйнянь?

Чжоу Ван ответила:

— Он забыл.

Сюй Синчжи это не удивило.

Призрачные заклинатели в качестве оружия используют трупы и призраков. Лу Юйцзю, будучи одним из них, явно относился ко второму типу. Призраков же можно разделить на ясных и темных.

Призраки, сохранившие память о прошлой жизни, называются ясными. Их сознание чисто, а сила ничем не уступает той, что была при жизни.

Те же, чьи воспоминания смутны, именуются темными. В момент смерти часть их души повреждается или теряется, либо же она остается скованной в остатках брэнного тела, из-за чего такие призраки бродят по свету в беспамятстве, а их сила значительно слабеет.

Единственная причина, по которой призрак становится темным, — это мучительная, ужасающая смерть, от которой дух распадается, а пять начал души дробятся. Боль бывает настолько невыносимой, что они не желают вспоминать о собственной кончине.

Сюй Синчжи с трудом представлял, что же тогда произошло.

Согласно обрывочным воспоминаниям оригинала, праведный путь делился на четыре школы, каждая из которых охраняла артефакт творения.

Долина Цинлян хранила Лук Великой Пустоты, река Интянь — Зеркало Разлуки, пик Даньян — Меч Ясности, а гора Фэнлин, где жил оригинал, — Книгу Мира.

Мэн Чунгуан был небесным демоном, похитил артефакт и был сослан — это еще имело смысл. Но Чжоу Бэйнянь был сыном главы острова Интянь, зачем ему вместе с сестрой красть артефакт своей же школы?

К чему все это?

Пока мысли Сюй Синчжи метались, Чжоу Ван внезапно спросила:

— Старший брат Сюй, что случилось с вашей правой рукой?

Сюй Синчжи взглянул на свою дырявую руку из грушевого дерева и с сожалением произнес:

— Ты про эту дыру? Только что проткнули.

Чжоу Ван не сдержала усмешки:

— Кто спрашивает про дыру? Я спрашиваю, почему ваша рука сломана?

...И в самом деле, почему?

Честно говоря, Сюй Синчжи и сам толком не помнил.

Казалось, в пять лет он был таким непоседой, что случайно отрубил себе кисть косой для пшеницы. Кровь хлестала ключом, он тяжело заболел, три дня пролежал в жару, месяц не приходил в себя, а очнувшись, остался калекой.

К счастью, небо оставило ему хотя бы одну руку, если подумать — не так уж плохо.

Однако, вспоминая о своей руке, Сюй Синчжи невольно представил отца, который не отходил от него ни на шаг, когда он был ранен.

Сейчас он сам в Манхуане, и неизвестно, сколько времени прошло во внешнем мире, как там проживают отец и сестра.

От этих мыслей Сюй Синчжи отвлекся и, не желая вдаваться в подробности, отрезал:

— ...Долгая история.

Чжоу Ван задала второй вопрос:

— Столько лет вы были снаружи, искали ли вы своего брата Сюй Пина?

...Хм?

После этого вопроса Сюй Синчжи окончательно убедился, что девочку прислал Чжоу Бэйнянь, чтобы выведать информацию.

Самое неприятное было то, что в памяти оригинала не нашлось ни единого упоминания о брате.

Существовал ли вообще такой человек — вопрос, и как на него отвечать?

Если он подыграет ей, не попадет ли в ловушку?

За пару мгновений Сюй Синчжи нашел выход.

Он посмотрел Чжоу Ван прямо в глаза и отчетливо произнес:

— У меня нет брата.

Ответ заставил Чжоу Ван нахмуриться:

— Но...

Сюй Синчжи неожиданно резко перебил ее, откинулся назад, подложив одну руку под голову, и равнодушно добавил:

— Нет у меня никакого брата.

Чжоу Бэйнянь, который за пределами башни направлял духовное сознание и слушал их разговор, язвительно скривил губы:

— Раньше, если Сюй Синчжи находил что-то хорошее, первым делом думал о своем братце. Теперь-то он наконец понял, что его братец — та еще дрянь.

Призрачный юноша Лу Юйцзю ответил еще грубее:

— Сюй Пин — просто подонок. Так ему и надо, что старший брат Сюй от него отрекся.

Чжоу Бэйнянь, прижав руку к уху, отдал приказ:

— А-Ван, спроси его, зачем он пришел в Манхуан? Кто его сюда отправил?

Но прежде чем Чжоу Ван успела задать вопрос, Чжоу Бэйнянь услышал, как Сюй Синчжи лениво произнес:

— Это ведь Чжоу Бэйнянь послал тебя ко мне, верно?

Раз уж его разоблачили, Чжоу Ван не стала скрывать и прямо спросила:

— Мой дядя подозревает не зря. Тринадцать лет никто не видел вас и не слышал о вас ни слова. Почему спустя столько лет вы внезапно объявились в Манхуане?

Сюй Синчжи поманил Чжоу Ван пальцем:

— Подойди ближе, я скажу тебе по секрету.

Чжоу Ван послушно наклонилась к нему.

Сюй Синчжи приметил в ее каменной серьге справа слабое мерцание.

Он молниеносно ухватил серьгу и с силой сжал ее пальцами.

Украшение было создано духовным сознанием Чжоу Бэйняня и было напрямую связано с его слухом. Разве оно могло выдержать такое давление? Чжоу Бэйнянь подпрыгнул, как кошка, которой наступили на хвост, схватился за ухо и в ярости закричал:

— Сюй, твою ж мать!

Сюй Синчжи:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Чжоу Бэйнянь, позеленев от злости, пригрозил:

— Ты у меня дождешься!

В то же мгновение серьга в ладони Сюй Синчжи превратилась в огромного паука размером с компас.

Улыбка Сюй Синчжи медленно сползла с лица.

Когда покрытые волосками лапы паука зашевелились у него между пальцев, он с диким воплем отшвырнул его прочь.

Теперь настала очередь Чжоу Бэйняня хлопать себя по бедрам и хохотать:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

У Сюй Синчжи по спине побежали мурашки, он отполз в самый угол кровати, дрожа от страха. Ему казалось, что у него под кожей ползают мелкие насекомые, это было невыносимо.

В этот момент дверь снова распахнулась.

Мэн Чунгуан в испуге ворвался в комнату:

— Старший брат?? Что случилось???

Сюй Синчжи не успел ответить, как паук, перебирая лапками, пополз по ножке кровати вверх.

В голове у Сюй Синчжи загудело, он вскочил с кровати и бросился в объятия Мэн Чунгуана, вцепившись ему в шею:

— ...Насекомые!! Там насекомые!!!

5. Владыка Манхуана

Теплая, мягкая ладонь накрыла глаза Сюй Синчжи, заслоняя обзор:

— ...Старший брат, все хорошо.

Другой рукой Мэн Чунгуан взмахнул, и созданный из духовной энергии паук мгновенно рассыпался в прах.

Он щелкнул пальцами, подцепил нить духовной силы, которую Чжоу Бэйнянь не успел

отозвать, и толкнул ее вперед.

Снаружи башни вокруг Чжоу Бэйняня внезапно выросли тысячи лиан, не дав ему опомниться, и утащили под землю.

Чжоу Бэйнянь в ярости закричал:

— Мэн...

Лиана решительно заткнула ему рот.

Вскоре на поверхности осталась лишь его голова.

Лу Юйцзю положил починенное призрачное копье рядом с ним, отодвинулся подальше и с отвращением произнес:

— Сам напросился. Так тебе и надо.

Чжоу Бэйнянь:

— ...

Сюй Синчжи долго не мог прийти в себя, его била дрожь, а по коже бегали мурашки. Он моргнул и спросил:

— Он сдох?

...Ощущение ресниц на ладони было очень странным.

Мэн Чунгуан убрал руку, обнял Сюй Синчжи за талию и потерся лбом о его запястье, тихо прошептал:

— ...Не волнуйтесь, старший брат, все, кто мешает, будут мертвы.

Сюй Синчжи почувствовал холод в спине, ему показалось, что в этих словах есть скрытый смысл. Он отстранился от Мэн Чунгуана, отряхнул вспотевшие ладони и притворно-легким тоном произнес:

— Напугал до смерти.

Он не знал, каким был оригинал, но раз тот занимал первое место в Небесном списке, то вряд ли боялся насекомых, как он сам.

Он украдкой взглянул на Мэн Чунгуана, наблюдая за его реакцией.

Мэн Чунгуан с улыбкой потянул за цепь Сюй Синчжи:

— Ничего страшного, старший брат, не нужно стесняться. Разве вы не помните, как однажды, испугавшись ядовитых насекомых, взорвали весь алтарь клана призраков?

Сюй Синчжи:

— ...Не помню, не слышал, какой позор, ухожу.

Когда опасность миновала, Сюй Синчжи осознал, насколько двусмысленно они выглядят.

Красота перед глазами действительно была соблазнительной, но он еще не настолько сошел с ума, чтобы забыть о вражде оригинала и этого злодея.

Он оттолкнул Мэн Чунгуана и холодно сказал:

— Благодарю.

Не успел он договорить, как Мэн Чунгуан дернул за цепь, Сюй Синчжи потерял равновесие, покачнулся и уткнулся лбом в грудь Мэн Чунгуана.

Сюй Синчжи опешил, поднял голову и спросил:

— ...Ты что творишь??

Мэн Чунгуан не ответил, а обратился к Чжоу Ван:

— Вон.

Чжоу Ван, которая долго наблюдала за представлением, спрыгнула с края кровати и, уходя, заботливо закрыла дверь.

Сюй Синчжи сожалел, что не удалось выведать информацию, и провожал Чжоу Ван взглядом, пока она не скрылась за порогом.

Глаза Мэн Чунгуана слегка блеснули:

— ...Старший брат, она красивая?

Будь Сюй Синчжи собой, он бы ответил честно, например: «Ты красивее нее, если бы у тебя не было кое-чего больше моего, я бы непременно взял тебя в жены».

Но ситуация была неподходящей, поэтому он продолжил играть роль холодного и отстраненного:

— ...Перестань.

— Перестать?

Мэн Чунгуан внезапно схватил Сюй Синчжи за щеки. Через несколько секунд лицо Сюй Синчжи онемело, а в глазах Мэн Чунгуана вспыхнул странный блеск:

— ...Как долго вы еще будете так холодны ко мне? Как долго будете наказывать меня?

Черт возьми, паршивец, предал учителя, уничтожил школу, а плачешь ты, а не я.

Сюй Синчжи было больно, поэтому взгляд его стал недружелюбным. Он попытался свободной левой рукой схватить Мэн Чунгуана за воротник и рявкнул:

— Мэн Чунгуан!

Мэн Чунгуан на мгновение смутился, но тут же в его глазах вспыхнуло пламя.

В следующее мгновение он впился зубами в ключицу Сюй Синчжи.

Это был настоящий укус, от которого у Сюй Синчжи по коже пробежали мурашки, а на глаза

навернулись слезы.

Мэн Чунгуан, превратившийся из паршивца в бешеную собаку, с надеждой произнес:

— ...Старший брат, назовите еще раз мое имя.

Его безумный взгляд, казалось, готов был сжечь Сюй Синчжи.

Хотя Сюй Синчжи не понимал, что Мэн Чунгуан чувствует к оригиналу, он подавил сомнения и холодно приказал:

— Мэн Чунгуан, если ты еще помнишь, что я твой старший брат, не смей держать меня здесь взаперти. Сегодня я спас тебе жизнь, так ты отплачиваешь своему спасителю? Этому я тебя учил?

Мэн Чунгуан тут же опомнился, поспешно отпустил его и упал на колени:

— Да, старший брат. Я... я знаю, что был неправ...

Сюй Синчжи подумал: «Хорошо, теперь я понял — этот ребенок как юла, ему не хватает хорошей взбучки».

Пока он размышлял, Мэн Чунгуан поднял голову и взмолился:

— ...Но, старший брат, в Манхуане очень опасно. Я запер вас в комнате, потому что боюсь, что вы убежите и попадете в беду. Чунгуан не может снова потерять вас, я не вынесу ни малейшего риска...

Сюй Синчжи всегда был равнодушен к красоте, а тем более к такому жалостливому лицу.

На мгновение он даже почувствовал, как в груди просыпается отцовская любовь, которую было не остановить. Укус уже не казался таким обидным.

Сюй Синчжи глубоко вздохнул и начал торговаться:

— Но я не могу сидеть в комнате целыми днями, это все равно что в тюрьме.

Хотя Манхуан и сам был огромной тюрьмой, но, по крайней мере, просторной.

Мэн Чунгуан подумал и неохотно ответил:

— ...Хорошо, днем можете гулять, но ни в коем случае не уходите далеко от башни, а вечером возвращайтесь...

Хоть это и не было большой победой, Сюй Синчжи был рад и этому.

Когда он кивнул, Мэн Чунгуан наконец улыбнулся, подхватил его и поднял на руки.

Сюй Синчжи опешил и от неожиданности обнял его за шею:

— Ты что задумал?

Мэн Чунгуан искренне ответил:

— Старший брат, уже наступил вечер.

Сюй Синчжи выглянул в окно, но небо ничем не отличалось от дневного.

Мэн Чунгуан объяснил:

— В Манхуане нет смены дня и ночи. Но сейчас уже вечер, правда.

Сюй Синчжи:

— ...

Охотно верю.

Мэн Чунгуан уложил его на кровать и попросил:

— Старший брат, позвольте мне поспать с вами.

Сюй Синчжи знал, что возражать бесполезно. Скажи он что-то резкое, и Мэн Чунгуан снова сделает вид, будто ему нанесли смертельную обиду.

Он просто закрыл глаза и откатился к самому краю кровати, освобождая место.

Мэн Чунгуан с радостью забрался на постель, заботливо укрыл Сюй Синчжи одеялом, а сам занял лишь крошечный уголок с краю, едва прикрывшись краем одеяла, и спокойно уснул.

Сюй Синчжи не спалось. Долго ворочаясь, он в конце концов повернулся лицом к Мэн Чунгуану.

После долгих раздумий он правой рукой прижал золотую цепь, чтобы она не звенела, а левой медленно вытащил из-за пояса кинжал.

Он направил острие в центр лба Мэн Чунгуана.

...Достаточно одного удара, чтобы все закончить.

Он сможет выбраться из этого проклятого Манхуана, вернуться домой к отцу и сестре, и если больше никогда не возьмется писать эту историю, то навсегда попрощается с этим миром.

Однако Сюй Синчжи чувствовал, что все происходящее окутано странной тайной.

По идее, это вымышленный мир, который он создал сам, но, проведя здесь всего день, Сюй Синчжи ощутил пугающую реальность.

Эти персонажи больше не были картонными куклами — они были из плоти и крови, они двигались, смеялись, злились, устраивали шалости и проявляли нежность.

...Включая Мэн Чунгуана.

Он казался неблагодарным щенком, но когда обнимал его, закрывал ему глаза или даже сейчас, от него исходило тепло.

Для Сюй Синчжи, возможно, быстрый удар был лучшим решением. Но чувство того, что персонажи ожили, было слишком странным, чтобы убедить себя в том, что он убивает лишь выдумку.

Сюй Синчжи насмешливо улыбнулся, убрал кинжал и закрыл глаза.

...Он не настоящий Сюй Синчжи, он не пережил боли предательства и мук от потери костей, поэтому ему трудно по-настоящему ненавидеть Мэн Чунгуана.

Напротив, он даже испытывал к нему некоторые чувства.

Мэн Чунгуан был живым человеком, который сошел с его страниц прямо к нему.

Сюй Синчжи нужно было найти другую причину, чтобы убить его, иначе он не сможет поднять руку.

Когда Сюй Синчжи отложил кинжал и уснул, Мэн Чунгуан медленно открыл глаза.

Его взгляд был устремлен в пустоту.

Точно в то место, где секунду назад был кинжал Сюй Синчжи.

Мэн Чунгуан беззвучно сел и посмотрел на спящее лицо Сюй Синчжи.

В конце концов он нежно коснулся пальцем его губ и прошептал:

— Старший брат, я все время думал, куда же вы пропали все эти годы?

Затем он словно что-то понял, слегка улыбнулся и пробормотал:

— ...А, я догадался. Старший брат был с Цзючжи Дэн, так ведь?

— Я в Манхуане, а вы в мире живых, каждый день рядом с ним. Вы послушались его клеветы и пришли убить меня, так?

С этими словами Мэн Чунгуан поднял руку и сжал горло Сюй Синчжи.

Мерное дыхание под его ладонью было подобно перекатывающимся жемчужинам. Стоило лишь слегка надавить, и он мог легко раздавить его гортань.

Неизвестно, сколько времени он оставался в таком положении, но в конце концов Мэн Чунгуан разжал пальцы, прошептав:

— ...Старший брат, я знаю, вы рано или поздно одумаетесь. Ничего, я подожду.

В комнате разлился легкий аромат растений.

Мэн Чунгуан лег обратно, но на этот раз не сдерживался, давая Сюй Синчжи больше пространства.

Он плотно обвил его конечности и теплое тело, прошептав на ухо:

— Спасибо, что не убили меня сегодня. Но, старший брат, вы должны получить небольшое наказание...

Сюй Синчжи, отказавшись от убийства, быстро уснул, но внезапно его тело охватил жар, конечности стали ватными, а все тело онемело — сил не осталось совсем.

Во сне ему казалось, что нечто, похожее на лиану, ползет вверх по его бедру, неторопливо

обхватывает лодыжку, разводит ноги, ласково играет с ним, а затем склоняется, чтобы испить воды из его живого источника.

Сюй Синчжи пытался сопротивляться, но руки и ноги были словно парализованы, а невидимые облака нежно и настойчиво уносили его ввысь.

Он отчаянно пытался вырваться из этого странного сна, но не мог. Когда он наконец с трудом открыл глаза, во рту пересохло, а голова кружилась. Он попытался встать, чтобы попить, но стоило ногам коснуться пола, как в паху разлилась слабость и боль. Он не удержался и рухнул на пол.

Мэн Чунгуан, проснувшись, быстро вскочил с кровати и обнял его сзади:

— Старший брат, что случилось?

Сюй Синчжи был настолько чувствителен, что не вынес прикосновения и чуть было не отшвырнул Мэн Чунгуана прочь.

Спустя некоторое время он обрел дар речи:

— Ничего, просто дурной сон. Дай мне воды.

<http://bllate.org/book/22484/2370465>